

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б35

Серия «Свет в океане»
Beryl Bainbridge
AN AWFULLY BIG ADVENTURE

Перевод с английского *Е. Суриц*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers.

Бейнбридж, Берил.

Б35 Грандиозное приключение : [роман] / Берил Бейнбридж ; [пер. с англ. Е. Суриц]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-112601-8

Основная канва этого романа обманчиво проста — юная Стелла, воспитанная родственниками, не без влияния эксцентричного дядюшки-театрала поступает на работу в театр и влюбляется в режиссера. Однако эта незатейливая история — лишь возможность для автора показать во всех красках противоречивый мир театрального закулисья. Мир, в котором, будто на острове Питера Пэна (сказка о котором, собственно, и подарила роману название), обитают «пропавшие мальчишки», упорно не желающие взрослеть и воспринимаящие жизнь как увлекательную игру. Мир, в котором, как в хорошей пьесе, много недосказанного и тайного и все — не то, чем кажется. Здесь разбиваются сердца, мелкие и забавные интриги соседствуют с большими и настоящими человеческими трагедиями, а сюжет, будто придуманный неким невидимым драматургом, неумолимо движется к финалу.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Beryl Bainbridge, 1989
© Перевод. Е. Суриц, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-112601-8

Деруэнту и Иоланте Мей

Стирка (*он детальнее других рассмотрел жертву*). Это и не птица вовсе! По-моему, это тетенька!

Шишка (*который предпочел бы, чтобы это была птица*). Тетя! А Болтун ее убил.

Чубик. Ой, я все понял! Питер прислал ее к нам!

(Все заинтересованы — зачем?)

Все. Ай-ай, Болтун, как тебе не стыдно! (*Хотя каждый минуту назад был бы рад оказаться на его месте.*)

Болтун (*всхлипывая*). Я ее убил! Когда я во сне видел тетеньку, я всегда думал, что это моя мама, а когда она на самом деле прилетела, я ее застрелил.

*Джеймс Барри.
«Питер Пэн». Акт 2**

---

* Перевод Б. Заходера.

0

Когда опустили пожарный занавес и наконец-то закрыли двери, Мередиту почудился детский плач. Он включил свет в зале, но никого там, естественно, не оказалось. Какой-то несчастный забыл на откидном стуле в третьем ряду плюшевого мишку.

Девчонка дожидалась его в реквизитной. Когда он подошел, попятилась, будто он собирался ее ударить. Он не смотрел на нее. Просто сказал — тем голосом, который раньше всегда пускал в ход, разговаривая с другими, — что в объяснениях не нуждается, да и какие тут могут быть объяснения.

— Я расстроилась, — заявила она. — Каждый бы расстроился. Больше такого не повторится.

Оба услышали, как над ними открылась дверь и Роза тяжело зашагала по коридору.

— Будь моя воля, — он понизил голос, — тебе бы недобровать.

— И неправда, — она не сдавалась. — Он был счастлив. Все приговаривал: «Как хорошо». Он был счастлив. Я недостаточно взрослая, чтоб

взять на себя вину. Уж точно не всю. Не я одна виновата.

— Иди ты с глаз моих долой. — И, отстранив ее, он пошел по коридору перехватывать Розу.

— Меня подстрекали! — кричала она ему вслед. — Вы этого не забывайте!

Он вспарывал воздух своим крюком.

— И с нее не спросишь со всею строгостью, — сказала Роза. — Не доросла.

Он пошел за ней, через темную сцену, в зрительный зал. Роза увидела плюшевого мишку, взяла за ухо, и он закачался, приникнув к подолу черного платья.

— Жене сообщили? — спросил Мередит.

— Сообщили. Она приедет первым утренним поездом.

Он поднимался за ней следом по каменным ступеням, пригибая голову под сопящими газовыми горелками, и так они дошли до самого верха, до круглого, глядящего на площадь окна. Только пожарные и крысоловы так высоко забирались.

— А записка, — поинтересовался он, — проливает какой-то свет?

— Кто его знает, — сказала Роза. — Бонни счел за благо ее сжечь.

Площадь была в этот час пуста. Давно разошлись цветочницы, оставив желтые ящики у железной решетки общественной уборной. Среди зубчатых домов вспыхивали искрами парходные огни.

Они стояли молча, глядя в темноту, точно ждали поднятия занавеса. Дверь кафе Брауна вдруг выпустила желтый луч, и женщина в резиновых сапогах вынесла помойное ведро.

Девчонка появилась из переулка, побежала на угол, к автомату. Оглянулась, посмотрела вверх, на круглое окно, будто чувствовала, что на нее смотрят. Лицо на таком расстоянии было мутным, бледным пятном. Мужчина, обвязанный белым шарфом, выплыл из черных теней склада, девчонка остановилась, заговорила с ним.

Он порылся в кармане, что-то ей протянул. Он держал обернутый бумагой букетик.

— Правление будет не в восторге, — сказал Мередит. — Рашфорт взбеленится.

— Ничего, не на ту напал, — ответила Роза. Она прижала мишку к блесткам на своей груди и теребила пальцем холодную пуговку глаза.

— Надо думать, — продолжал Мередит, — нам не удастся отбиться от прессы.

— Мне удалось бы, — сказала Роза. — Только я не собираюсь. Из сиротской опеки два раза уже звонили. Прости господи, это делу не повредит.

Прямо внизу липа, вздрагивая ветками на ветру, отряхивала на мостовую брызги фонарного света. Мужчина в шарфе, изящно выгибая над головой одну руку, облегчался за железной решеткой. Они видели ботинки, лоснящиеся под фонарем? и зябкий букетик зимних нарциссов.

СПЕРВА ЭТО ДЯДЕ ВЕРНОНУ загорелось, не Стелле. Он думал, что понимает ее; только она встала на ножки, стал выжидать, когда же она заковыляет к подмосткам. Стелла как раз сомневалась. Говорила ему: «Я не буду гоняться за пустыми фантазиями».

А потом она свыклась с этой затеей и два года по пятницам после уроков сбегала с горки к Ганновер-стрит, поднималась на лифте Крейн-холла мимо демонстрационных залов, где слепцы теребили клавиши лаковых пианино, до верхнего этажа миссис Аккерли, чей поджатый рот выплевывал «Карл у Клары украл кораллы» за дымной завесой русских сигарет.

Дома она запиралась у себя в комнате от уборки на кухне и лишних разговоров. За чаем брякала чашку на блюдце, портила хорошую скатерть дубильной кислотой и стонала, что это, наверно, отравы, которую приготовил для нее брат Лоренцо*. Дядя Вернон орал на нее, а она гово-

---

* См. «Ромео и Джульетта», акт IV, сц. I, акт V. сц. 3.

рила, что ей еще рано отвечать за свои рефлексy и чувства, — не доросла. Она всегда точно знала, что ей можно, а что нет.

Лили-то думала, что девочка просто учится правильно говорить, и в ужас пришла, когда узнала, что это называется Драматическое Искусство. Убивалась, что Стелла настроится, а потом ее надежды лопнут.

Потом Стелла завалила предварительные экзамены, и учителя решили, что не стоит включать ее в списки на аттестат зрелости. Дядя Вернон бросился в школу шуметь, но вернулся убого-творенным. Там не отрицали, что способности у нее есть, просто нет никакого прилежания.

— По мне, так и правильно, — сказал он Лили. — Уж мы-то с тобой знаем, что ее не убедить.

Он кое-что поразведал, пустил в ход кое-какие связи. После того как пришло то письмо, Стелла четыре субботы по утрам дополнительно готовила с миссис Аккерли в Крейн-холле сценку телефонного разговора из «Билля о разводе»*. Миссис Аккерли сомневалась в ее произношении, склонялась к какой-нибудь Ланкаширской драме, еще бы лучше комедии: было в девочке что-то клоунское.

Стелла не соглашалась. Я — настоящий подражатель, говорила она, и действительно воспроизводила прокуренный тон миссис Аккерли

---

* Художественный фильм 1932 года. Реж. Дж. Кьюкор.

в совершенстве. Конечно, она для роли была чересчур молода, но проницательно замечала, что это только оттенит широту ее амплуа. Прослушивание было назначено на третий понедельник сентября.

За десять дней до этого, за завтраком, она объявила дяде Вернону, что сомневается.

— И думать не смей, — сказал дядя Вернон, — теперь уж ничего не поменяешь.

Он составил список покупок и дал ей бумажку вдесять шиллингов. Когда через полчаса он вышел в темный холл, брэнча мелочью в кармане, она, скорчившись, втиснув пухлую коленку между перилами, сидела на ступеньках. Он вскипел — торчать в этой части дома, да еще без ее красивой школьной формы, ей было не положено, и она это знала. Она разглядывала мокрое пятно, расплывавшееся по цветочкам обоев над телефоном.

Он включил свет, спросил, что это за представления такие. Такими темпами на тележке у Пэдди только пучок гнилой морковки останется. Как она считает — можно так вести дела?

Она, видно, встала с левой ноги, с ней бывало, и притворилась, будто не слышит, задумавшись. Он чуть ее не ударил. Ничего от матери не было в этом лице, разве что веснушки на скулах.

— Вот веди, веди себя эдак, — заметил он в который уж раз, — и кончишь за прилавком в Вулворте.

Только зря он ее подначивал. Как бы назло ему не побежала туда наниматься — с нее станется.

— Ты чересчур на меня давишь, — сказала она. — Хочешь купаться в лучах моей славы.

Тут уж он не стерпел, поднял руку, но она проشمыгнула мимо с мокрыми глазами, и сразу весь мир для него помутился от этих слез.

Он позвонил Харкорту и обиняками, исподволь старался найти утешение.

— Три бутылки дезинфекции... — он читал по списку, — четыре фунта карболового мыла... дюжина свеч... двадцать рулонов туалетной бумаги... Джордж Липман замолвил словечко своей сестре. Это в отношении Стеллы.

— С превеликим моим удовольствием, но больше десяти не могу, — сказал Харкорт. — И те лежалые.

— Я спрашиваю себя: верно ли я поступаю?

— По-моему, у нее нет других возможностей, — заметил Харкорт, — раз в школе отказались принять ее обратно.

— Ну, не отказались, — поправил его Вернон, — они, в общем, считают, что для нее бесполезно там оставаться. И вы же знаете Стеллу. Уж если она что вобьет себе в голову...

— Да-да, — сказал Харкорт.

Хоть в жизни не видывал девочку, он часто говорил жене, что, если пришлось бы, свободно бы сдал по этому предмету экзамен. Его обширные познания по части Стеллы базировались на ежемесячных сводках, предоставляемых Верноном, когда тот заказывал товары для ванны и прачечной.